

Перевод как поиск единства.

Со времен Вавилонской башни, разобщившей людей, человечество ищет способы общения как между разными народами, так и внутри одного народа, разделенного на разные слои и группы по территориальному, социальному, профессиональному, возрастному и другим признакам. Среди этих способов главный, самый распространенный и самый действенный – это перевод – межъязыковой и внутриязыковой.

Изучение иностранных языков – это, разумеется, тоже весьма эффективный путь к обеспечению взаимопонимания между людьми, принадлежащими к разным культурам, то-есть к межкультурной коммуникации. (Вот, кстати, и пример внутриязыкового перевода.)

Однако именно переводу – с помощью людей, изучивших иностранные языки, - принадлежит решающая роль в диалоге культур: какой же диалог без общего языка?

Перевод – самое прочное связующее звено между языками и культурами.

Переводоведение – одна из молодых отраслей филологии, сформировавшаяся в 20 веке, хотя переводческая практика, несомненно, – самое древнее из филологических занятий: она началась с первыми контактами человеческих племен. Более того, повидимому, осмысление и изучение родного языка (то-есть лингвистика как наука о языке) могло начаться именно с осознания оппозиции: «родной» - «иностранной». Удивительно, что теория и практика перевода разошлись на тысячелетия...

Несмотря на «молодость» теории, виды, формы и способы переводов изучены довольно глубоко и разносторонне. Особенно – р а з н о с т о р о н н е , поскольку тенденции и подходы к переводческой деятельности поражают и количеством, и разнообразием.

Перевод художественных произведений, где преобладает языковая функция воздействия и где основная задача автора – вызвать у читателя/слушателя экспрессивно-эмоционально-оценочные реакции, это, по К.Чуковскому, высокое искусство. Переводчик художественного произведения должен иметь талант творца.¹ Впрочем, А. Макин, известный современный французский писатель русского происхождения, проводит грань между прозой и поэзией и считает, что переводчик прозы – раб автора, а переводчик поэзии – его соперник. В качестве примера он приводит стихотворение Бодлера в переводе Брюсова, превосходящем оригинал. Наверное, правильнее было бы сказать, что переводчик художественного произведения – соперник автора, а переводчик всех остальных жанров – раб.²

А может быть еще проще: хороший переводчик – соперник, а плохой – раб. Великий и вездесущий А.С.Пушкин дал свое видение перевода. «Озерова я не люблю не от зависти..., но из любви к искусству...Озерова перевели. Перевод есть оселок драматического писателя. Посмотри же, что из него вышло во французской прозе».³ Иосиф Бродский считал, что в переводе художественных произведений, особенно поэтических, с одного языка на другой участвуют не два, а четыре языка: два словесных и два языка чувств.

Совершенно иное представление о переводе и переводчике художественного произведения дает Владимир Набоков. Для него переводчик – это губитель, могильщик, во власти которого и гений–автор и его гениальное творение. Эта теория лежит в основе романа Набокова «Invitation of a Beheading», написанного во время Второй мировой войны. Автор может спасти свое творение от переводчика двумя способами: либо перевести текст самому, либо сделать его непереводаемым.

Реализация этой теории на практике – это знаменитый набоковский комментированный перевод «Евгения Онегина». Перевод должен быть «предельно точным, подстрочным, дословным», этой точности нужно принести в жертву «гладкость (она от дьявола), изящество, идиоматическую ясность, число стоп в строке, рифму и даже в крайних случаях синтаксис». Перевод должен «обрасти массивом объемистых сносок, чтобы последние громоздились до самого

верха страниц, оставляя лишь проблеск единственной строки текста между комментарием и вечностью». (4 тома перевода «Евгения Онегина» - реальное воплощение этой мысли).⁴

По мнению Набокова, само словосочетание *буквальный перевод* «тавтологично, ибо любой другой способ передачи текста – это не перевод, а имитация, адаптация или пародия».⁵

Перевод текстов, в которых доминирует языковая функция сообщения, - в первую очередь, научных – это передача информации.

Разумеется, перевод научной литературы имеет свои особенности и отличается от перевода литературы художественной, но сводить его просто к «поиску эквивалентов» у двух и более языков значит упрощать сложную задачу оптимальной – точной и ясной – передачи научного содержания.

Представляется неверным разделение перевода на творческий в случае художественного произведения и нетворческий во всех остальных случаях (дихотомия «соперник – раб», по А.Макину). Любой перевод, то-есть передача содержания текста средствами иного языка, - это искусство, это самый сложный процесс, требующий совершенного знания обоих языков.

Академик О.Н.Трубачев определил свой опыт перевода Русского этимологического словаря русского языка Макса Фасмера с немецкого на русский язык в своей обычной манере: тонко, емко и в то же время просто, без излишнего наукообразия: «Доставляло истинное удовольствие **переодевать труд Фасмера по-русски**, ... задача понималась так, что нужно было не только перевести немецкие партии текста, но и **привести все целое в соответствие с современным русским советским культурным и литературным узусом (культурно-языковой контекст**, к которому мы еще вернемся – С.Т.), будь то названия языков (*казахский* вместо нем. *kirgisch* и *киргизский* – там, где нем. *karakirgisisch*) или географические названия» (выделено мной – С.Т.)⁶

Интересно, что Трубачев, подобно Набокову с его переводом «Евгения Онегина», снабдил перевод сугубо научного словаря комментариями, увеличив его объем, по свидетельству рецензента Клауса Мюллера, более чем на одну треть.⁷ Труд Набокова, правда, превысил объем поэмы почти в 5 раз.

Совершенствуя систему оценки работы переводчиков, можно предложить разделить их на отличных (или очень хороших), хороших, средних и плохих.

Говоря о видах перевода, следует упомянуть для полноты картины и перевод-упражнение при изучении иностранных языков. Этот вид перевода очень распространен в учебниках иностранных языков как методический прием преподавания языков. Как правило, для «перевода» предлагаются отдельные слова, словосочетания и предложения с целью «активизации» того слоя лексики, активное использование которой преподаватель считает отвечающим требованиям учебно-методической целесообразности.

Слово «перевод» поставлено мною в кавычки не случайно. Дело в том, что я разделяю мысль моего учителя, профессора О.С.Ахмановой, о том, что перевод – это сложный творческий процесс, что переводить можно только осмысленный глобальный текст, владея при этом в совершенстве обоими языками. Употребление того же термина для установления и заучивания устойчивых соответствий между регулярно воспроизводимыми единицами языка и речи (которые могут иметь любую форму: слова, словосочетания, предложения), входящими в язык-источник, и соответствующими им функциональными эквивалентами переводного языка, неправомерно, потому что затемняет картину и принижает статус и перевода, и переводчика.

О переводе и переводчике сказано много и очень по-разному.

Перевод – это связь культур и народов, это трансформация одного мира в другой, преобразование, это «переодевание», перекодирование, реконструкция и даже телепортация.

Переводчик – это посредник культур, миссионер, несущий мир и дружбу между народами, могильщик, толкователь чужих мыслей, лучник с луком и стрелами, которыми он должен поразить свою цель.

Используя простую и емкую терминологию академика О.Н.Трубачева, перевод – это поиск единства между народами, это акт, помогающий людям найти общий язык в прямом и переносном смысле.

Что же нужно **преодолеть** переводчику, как уцелеть в войне языков и культур, чтобы перевести, преобразовать один мир в другой, чтобы «переодеть» в

чужое платье целый народ и мир этого народа? Иными словами, **что затрудняет поиск единства?**

Этот поиск осложнен рядом факторов, из которых одни хорошо изучены и будут упомянуты просто для полноты картины, в то время как на других следует остановиться подробнее.

Многие языковые трудности очевидны и лежат на поверхности. Это не значит, что их легко преодолеть переводчику, однако видимый противник лучше, чем враг невидимый.

I. Очевидные языковые трудности:

1. Разница в грамматическом строе языка.

Грамматика, конечно, *ars obligatoria* – обязательное искусство, но в крайнем случае, если сказать «моя твоя не понимай», то смысл высказывания всем будет понятен.

2. Разница в фонетике и орфографии, разрыв между произношением и написанием. В этом отношении печально знаменит английский язык. Известная шутка: англичане пишут Манчестер, а говорят Ливерпуль – удачно иллюстрирует это положение.

Другой общеизвестный и вовсе не шуточный факт - это сочетание английских букв *ough*, которое дает 14 вариантов произношения.

II. Скрытые языковые трудности.

Главные трудности, скрытые, «не видимые очам», то-есть не очевидные, начинаются с разницы в лексике. Это самая коварная западня – так как лексика связана с понятием значения слова, с соотношением звукового (устная речь) или графического (письмо) комплекса с предметами и явлениями реального мира. Это значит – мы выходим из мира системы языка, т.е. определенного порядка – в хаос, безбрежность и бесконечное разнообразие реального мира, который мы видим, членим, категоризируем и именуем по-разному, что лишает нас возможности иметь «общий код» (*shared code*) и, следовательно общаться.

Значение слова – это нить или, вернее, тропинка, связывающая слово с реальным миром. На этом пути, к сожалению много ловушек, засад, капканов,

поставленных культурой. Значение иностранного слова ведет в иностранный мир. Родное – в родной.

Соответственно, слова разных языков, соотносимые с одними и теми же предметами/явлениями реального мира могут различаться следующими характеристиками.

1. Объем семантики.

Если, используя уже известную метафору, представить языковую картину мира в виде мозаики, а слово (как и его эквиваленты) – кусочком этой мозаики, то ясно, что эти разные мозаичные картины состоят из разных кусочков. Перевод с одного языка на другой предполагает попытку вынуть кусочек-слово (или его функциональный эквивалент) из мозаики одного языка и вставить в другую. При этом следует быть готовым к тому, что, как правило, эти кусочки мозаики не совпадают по размеру. Иными словами объем их семантики может быть различен.

Например, русское предложение *Они такие же, как мы: две руки, две ноги* было переведено на английский язык как: *they are just like us: two hands, two legs*. Этот хрестоматийный и, следовательно, избитый пример ярко и убедительно показывает, что объем семантики русских слов *рука* и *нога* шире, чем у английских эквивалентов, то-есть они покрывают больший кусочек реальности, в то время как английский язык навязал своим носителям иное видение и членение мира: там, где русскоязычные видят один предмет (*руку* или *ногу*) англоязычные видят два совершенно разных предмета (*hand, arm – рука; foot, leg – нога*). Главная ошибка приведенного примера – то, что *hand* и *leg* нельзя сочетать в данном контексте. Должно быть или *hand - foot*, или *arm - leg*.

Значит, простое русское предложение: *У нее в руках был букет цветов* нельзя перевести на русский язык, не зная размеры букета: если он маленький, то она держала его *in her hands*, если большой – *in her arms*.

Таких случаев много в любых двух языках – и чем больше языков вовлечено в перевод, тем больше разница и тем труднее.

Русское слово *переводчик* – это и *translator*, и *interpreter*, *политика* – *policy, politics*; *наука* – *science, humanity, a branch of knowledge*; *ученый* – *scientist, scholar, academic*; *управление* – *management, administration*. *Water* в английском

языке это не только *вода*, но и *слезы*, *clay* – это и *глина*, и *прах*. Два последних примера приводит Иосиф Бродский, столкнувшийся с трудностями разного объема семантики при переводе своих стихов с русского на английский и наоборот.

В американской комедии герою не хватает денег на чашку кофе и он говорит официантке: *Sorry, I don't have the money*, на что она отвечает сочувственно : *What a shame!* Русский переводчик, игнорируя и тон, и ситуацию, переводит: «Какой позор!», так как не знает полного объема семантики слова *shame*, включающего наряду с «позором» и значение *something that ought to be*, и в этом контексте «*what a shame*» соответствует русскому «*Как жаль!*»

Переводы фильмов изобилуют переводческими нелепостями: очевидно, что их делают поспешно и с помощью людей, плохо знающих язык-источник.

В американском фильме «Путешествие в глубь земли» (по Ж.Верну) герои едут в тележке, за ними – солдаты с ружьями. Шотландец кричит «*Duck!*», то-есть ныряйте на дно тележки, т.к. глагол *to duck* имеет значения *увернуться, укрыться, нырнуть, пригнуться, чтобы избежать удара*. Разумеется, переводчик кричит: *Утка!*, невзирая на грамматику (отсутствие артикля) и контекст ситуации.

В материалах Интернета, критически описывающих традицию празднования Хэллоуин (Halloween), приводится совершенно нелепый вариант перевода традиционной формулы.

В настоящее время мы являемся свидетелями активного распространения в учебных заведениях европейских государств и России практики справлять целый ряд праздников американского происхождения; Halloween среди них является, наверное, самым популярным. В это день (31 октября) американские школьники, нарядившись ведьмами, чертями и подобными малоприятными персонажами, носятся по школам и домам с криком: «Trick or treat!» (один из вариантов перевода: Наряди и угости!) и требуют себе сладостей. Кроме того, на Halloween принято устраивать розыгрыши, нередко достаточно сомнительного характера.

Откуда мог взяться этот «вариант перевода», совершенно непонятно. Во-первых, это вопрос: тот, кому адресовано *trick or treat?*, должен как бы выбрать

между кнутом и пряником: или угости (treat), или мы тебе устроим этот самый розыгрыш (trick). *Наряди и угости!*, да еще и с восклицательным знаком, совершенно извращает смысл игры.

Русский переводчик, который перевел на английский язык подпись *Молодежные балы в разгаре* под фотографией в газете, изображавшей выпускной бал, как *Young men's balls in full swing* явно не был осведомлен о существовании омонима *balls* в значении *testicles* – яички (мужской орган).

Неправильный перевод из-за недостаточного знания полного объема семантики английского глагола *to look* играет важную роль в интриге романа Б. Акунина «Коронация».

Встреча героя-рассказчика Зюкина, камердинера царской семьи, с дворецким (батлером) мистером Фрейби повернула развитие сюжета в неблагоприятную сторону.

- *Good news?* – спросил Фрейби, кивнув на газету, и выудил из кармана словарь. – *Хороший... новость?*

У меня словаря при себе не было – остался в ливрее, поэтому я ограничился простым кивком.

Внимательно оглядев меня, англичанин произнес какую-то фразу из четырех слов. Снова зашелестел лексиконом.

- *Ты...смотреть...лучше...сегодня.*

Я встрепнулся и испуганно уставился снизу вверх на его румяную физиономию. Откуда он знает о нашем плане? Что он вообще знает?

Батлер доброжелательно улыбнулся и с поклоном прошествовал дальше.

Потерпев неудачу во всех своих планах и расчетах, знаменитый акунинский сыщик Эраст Петрович Фандорин пытается понять причину провала своих с Зюкиным действий.

- *Я вот все думаю про мистера Фрейби. – Эраст Петрович поднялся по ступенькам и открыл дверь. – Что-то здесь не складывается. Если он, действительно, человек Линда, то зачем бы ему предупредить вас про шпиона? И зачем г-говорить, чтобы вы смотрели за его господином в оба? Что-то здесь не так. Не могли бы вы припомнить, какие именно слова он произнес?*

- Очень хорошо запомнил. *«Вы смотреть лучше сегодня»*. Каждое слово по очереди выуживал из лексикона.

- Хм. А как это было по-английски? *You... watch out today?*

- Нет, как-то по другому. – Я нахмурил лоб, роясь в памяти. – Что-то такое на букву «б».

- На «б»? *Better?*

- Да, именно так!

- Ну-ка, попробуем восстановить английскую фразу. «Вы» - это *you*, «смотреть» - это *see* или *look*, потом *better*, «сегодня» - это *today*. *«You see better today»* - это бессмыслица. Стало быть, получается *«you look better today»*.

- Да, правильно! Те самые слова! – обрадовался я.

Эраст Петрович развел руками:

- Тогда, Зюкин, вынужден вас разочаровать. Это вовсе не рекомендация лучше следить за Линдом, а выражение, означающее *«Сегодня вы выглядите лучше»*.

- Всего лишь? – разочаровался я.

- Увы. Вы с мистером Фрейби стали жертвами буквального перевода.

... Нельзя чересчур доверяться словарям.

Наконец, известный пример из перевода «Гамлета» Шекспира, внесший сумятицу и в облик, и в образ главного героя. Имеется в виду реплика матери Гамлета, королевы Гертруды:

“He’s fat and scant of breath,

Here, Hamlet, take my napkin, rub the brows”.

М.Лозинский переводит ее так:

«Он тучен и одышлив –

Вот, Гамлет, мой платок; лоб оботри».

Одна неудачно переведенная строка, и Гамлет из благородного юного мстителя превращается в толстого, страдающего одышкой пожилого человека. И от любви к нему сходит с ума и кончает жизнь самоубийством прекрасная юная девушка?

Однако семантика слова *fat* шире, чем просто *жирный, тучный*, и допускает вариант *блестящий от пота*. И *scant of breath* – это задыхающийся (от волнения), запыхавшийся человек, которому не хватает дыхания, в то время как одышливость – это медицинский термин, признак хронической болезни. Это позволяет Б. Пастернаку спасти образ Гамлета, оставить его романтическим, избежав прямого перевода слова *fat*, но при этом передав общую ситуацию:

«Дай, Гамлет, оботру тебе лицо.

Вот мой платок. Как ты разгорячился!»

2. Стилистические коннотации.

Этот вид скрытых трудностей тесно соприкасается с предшествующим – разницей в объеме семантики.

Действительно, коннотации представляют собой дополнительные оттенки значений, некие «созначения». При этом стилистические коннотации – это либо знак отнесенности к различным стилевым разновидностям языка, либо выражение отношения к высказыванию (то-есть, вид модальности): положительного, отрицательного или нейтрального, и, следовательно, не имеющего коннотаций.

Хрестоматийный пример из русского языка: *глаза* – нейтральный стиль, *очи* – возвышенный и позитивный, *зенки, гляделки* – сниженный и негативный.

Стилистические коннотации – также ловушки для переводчиков (как и для изучающих язык); это также оборонительный прием языка в его войне с «захватчиками – с иностранцами, пытающимися вторгнуться в его пределы.

Проблема в том, что в разных языках, эквивалентные по номинативному значению, то-есть соотносимые с одним и тем же предметом или явлением (кусочком) реальности, могут различаться как принадлежностью к разным стилям, так и позитивными и негативными оттенками и, соответственно, употреблением в речи.

Развивая метафору с мозаичной языковой картиной мира, можно сказать, что единицы языка, слова и их эквиваленты – кусочки мозаики -, могут различаться не только размером (объемом семантики), но и цветами, красками, оттенками: яркие, блеклые, глянцевые, матовые, вызывающие радость или грусть и.т.п.

Сюда же следует отнести и использование диалектизмов, жаргонизмов (слэнга), то-есть все виды территориальных, социальных, профессиональных расслоений национального языка.

Великий Бен Джонсон имел в виду именно этот аспект употребления речи, когда сказал свою знаменитую «крылатую» фразу: “ Language most shows a man. Speak that I may see thee.”.

Много позже Бернард Шоу воплотил эту мысль в образе профессора Хиггинса в бессмертном «Пигмалионе».

Вопрос о стилистических коннотациях хорошо известен и представлен достаточно широкой научной литературой, поэтому ограничимся несколькими примерами.

Итальянский преподаватель русского языка прислал письмо по-английски, в котором просил подтвердить возможность его поселения в общежитии, и приложил собственный перевод на русский язык.:

I would be very pleased if you could confirm the availability of accommodation...

В русском переводе выглядело так: *Я вас просил бы о подтверждении ночлегов в общежитии...*

Слова *accommodation* и *ночлег* принадлежат к разным регистрам речевого употребления.

Китайские коллеги прислали приглашение на конференцию в город *Hangzhou, Zhejiang Provincial capital*. Однако словосочетание *provincial capital* – *провинциальная столица* имеет иные стилистические коннотации, чем *capital of the Province* – *столица Провинции...*

В этом же письме описывается красота и величие места проведения конференции:

With its picturesque landscape, Hangzhou has ever been praised as «Paradise on the Earth». In 13 century, Marco Polo, a famous Italian tourist praised Hangzhou as «The most beautiful and magnificent city in the world».

Номинативное значение слова *tourist*, возможно, соответствует факту визита Марко Поло в Китай, однако, с точки зрения стилистических коннотаций, оно в этом контексте не приемлемо.

Замечательный переводчик с английского на русский Роберт Даглиш, работавший в Советском Союзе, говорил о стилистических трудностях перевода советских клише, возвышенных и пафосных, на английский язык, тяготеющий к *understatement* – недосказанности, недооценке.

Так, например, в публичной лекции для переводчиков он говорил, что перевод на английский язык словосочетания *нерушимое единство* как *an unbreakable and indestructable unity* звучит совершенно не по-английски, т.к. нарушает стилистические каноны английского языка, требующие избегать резко категорических суждений, «громких» слов, излишнего пафоса и высокого стиля.

Его замечательная метафора: английский язык предпочитает тихо свистнуть в темноте, а русский язык кричит при ярком дневном свете раскрывает различия стилистических характеристик этих языков.

Эти особенности чрезвычайно важно учитывать в рекламе – тем более в наше время, когда реклама – в том числе и переводная – стала играть такую важную роль в жизни современной России.

Роберт Даглиш привел пример разного восприятия одной и той же рекламы на русском и английском языках. Речь шла о рекламной статье о Грузии, где упоминалось замечательное грузинское гостеприимство. Дальше следовала фраза: *Каждый, кто хоть раз побывал в Грузии, подпишетя под этими словами!*

Сочетание *хоть раз* усиливало экспрессивность высказывания, подчеркивая, что даже одного раза достаточно, чтобы оценить необыкновенное грузинское гостеприимство.

В переводе на английский язык это звучало так: *Everyone who visited Georgia at least once would subscribe to these words.*

Вот как комментирует Роберт Даглиш этот перевод: «It is a very close following of the Russian again. But it's not English at all. And when you come to think of it, it's too much of an absolute statement for an English journalist piece of writing. The basic idea that you're trying to convey is that «most people who've been to Georgia would subscribe to this view». You can't say more than that. The «at least once» stands out like a sore thumb in the English. It starts you thinking: what about twice, or will two visits to Georgia create a different impression; it just diverts the reader, you don't make

your point. You have to make a simple and a clear point, not too exclusive, not too absolute. And once you get that sentence right, you find that the next sentence flows on almost automatically – *and Georgia has many visitors, and so on*».

Перевод диалектизмов, жаргонизмов, историзмов также вызывает недоразумения, часто нелепые, вызванные, главным образом незнанием или, вернее, неопознанием этих нестандартных единиц языка, выходящих за рамки нормативного, литературного языка.

Известный зоолог и путешественник Николай Дроздов в книге об Австралии приводит материалы русского эмигранта Игоря Ивановича Межакова-Корякина по переводам англоязычными переводчиками поэмы Евгения Евтушенко «Братская ГЭС»: ⁸

*Я вбирал, припав к баранке - жевал калач,
Листами под покрывками шурша - под крышами шуршала листва,
По фене ботают ножи - девушки танцуют с ножами,
И плывут струги - стружки плывут по реке.*

3. Лексико-фразеологическая сочетаемость.

Как известно, под лексико-фразеологической сочетаемостью понимается способность одних слов легко и естественно сочетаться, «дружить» с одними словами и «отталкивать» другие, «не дружить» с ними. Лексико-фразеологическая сочетаемость национальна, она специфична для каждого языка, поэтому она создает дополнительные и очень серьезные трудности как для общения на иностранном языке, так и для его изучения и преподавания. Можно выучить значения слов и таким образом быть в состоянии «узнать», о чем идет речь в созданном кем-то тексте (*recognition skill*), но для того, чтобы самому создать текст – письменный или устный – знать значение слов недостаточно: нужно еще знать их сочетаемость в данном языке. Можно посмотреть значение английского слова *flat* – *плоский, ровный* и перевести с его помощью русское словосочетание *плоская поверхность* – *a flat surface*. Но на этом совпадение с русской моделью сочетаемости слов *плоский, ровный* закончится. Все остальные варианты естественной сочетаемости слова *flat* непредсказуемы, их можно только отдельно специально заучивать: *спущенная шина* – *a flat tyre*, *туфли без каблука* –

flat shoes, мелкая кастрюля – *a flat pan*, расстроенная скрипка – *a flat violin*, батарея села – *the battery is flat*. Обе стороны этих пар – и русская, и английская представляют собой образцы сочетаемости соответствующих языков, обе требуют специального внимания, отдельного заучивания и осложняют общение. Лексико-фразеологическая сочетаемость – это колючая проволока, натянутая поверх языкового барьера, чтобы сделать его еще неприступнее.

Наиболее распространены ошибки в переводах словосочетаний с родного языка на иностранный. В этом случае обычные словари, дающие значение слова, но не его сочетаемость, не только не помогают, но и запутывают пользователя, создающего переводные сочетания по образцам родного языка. Ошибка заключается в том, что вместо того чтобы искать эквивалентные сочетания в языке иностранном, переводчик переводит слово за слово

Работать над собой – *to work at oneself* (вместо *to develop one's abilities*)

Создавать комиссию – *to create a commission* (вместо *to set up*)

Государственные работники – *state workers* – (вместо *state officials*)

Крытая арена – *closed arena* (вместо *canopied arena*)

Посещать уроки – *to visit lessons* (вместо *to attend classes*)

Опера, написанная Моцартом – *an opera written by Mozart* (вместо *composed by Mozart*)

Представлять на рассмотрение – *to set for consideration* (вместо *to submit to consideration*)

Бег с препятствиями – *running with obstacles* (вместо *steeplechase*)

Наша страна – *our country* (вместо *this country*)

Постоянное место жительства – *constant residence* (вместо *permanent residence*)

Простое совпадение – *simple coincidence* (вместо *mere coincidence*)

Ошибки повторяются – *mistakes repeat themselves* (вместо *mistakes recur*)

У него золотые руки – *He has golden hands* (вместо *he has golden fingers*)

Требуется усилий со стороны переводчика – *requires efforts on the side of an interpreter* (вместо *on the part of...*)

Мыть голову – *to wash one's head* (вместо *to wash one's hair*)

Легкая атлетика – light athletics (вместо *track-and-fields athletics*)

Хоккей на траве – grass hockey (вместо *field hockey*).

Аналогичные ошибки встречаются при переводе с английского языка на русский. *Лебеди-кликуны летят в Исландию, за арктический круг* (вместо *полярный круг*) [Передача BBC- Wildlife на русском языке]

Япония – страна распутившейся вишни (вместо *цветущей вишни*) [Телевизионная передача]

«...шофер, человек с большими моржовыми усами, казался угрюмым.» (вместо *с усами, как у моржа*) [Розамунда Пилчер «В канун Рождества», М., СЛОВО, 2002 г. Rosamunde Pilcher. Winter Solstice.]

Представляют интерес как примеры, так и особенно комментарии к ним, приводимые в кандидатской диссертации М.В. Умеровой. Они также иллюстрируют нарушение норм лексической сочетаемости при переводе с английского языка на русский.

Human race – человеческая раса (вместо *человечество*)

American role – американская роль (вместо *роль Америки*).

Словосочетание *federal worker* не следует передавать малопонятным *федеральный работник*, а необходимо использовать прием конкретизации и в определенных контекстах передавать данное сочетание как *сотрудник, агент ФБР*. В предложении *Доступ к неквалифицированной рабочей силе и недорогому сырью* слова «неквалифицированная» и «рабочая сила» плохо сочетаются, поскольку само понятие «рабочая сила» в данном контексте означает наличие определенной квалификации. Английское «unskilled workforce» в данном случае, очевидно, означает «дешевую рабочую силу».⁹

И, наконец, пример абсолютно правильного перевода, когда одно и то же русское прилагательное *вечный* передано двумя различными английскими эпитетами – в соответствии с сочетаемостью существительных *beauty* и *land*:

Вечная красота вечной земли – the timeless beauty of an eternal land [Юлия Марьяшкина, Страна говорящих камней. АЭРОФЛОТ, октябрь-ноябрь 1998 г.]

4. «Ложные друзья переводчика»

Еще одна коварная западня для переводчика, еще один прием «войны» языка против «чужих» и в защиту «своих».

«Ложные друзья переводчика» (калька с французского языка «*faux amis du traducteur*») – это такие слова, которые выглядят обманчиво знакомыми, фонетически и/или орфографически близкими или идентичными словам и выражениям родного языка, но отличаются от них либо значением (полностью или частично), либо коннотациями.

Про английское слово «*nationality*» много писали как о «ложном друге».¹⁰ Как понять в японской визовой анкете графу «*former nationality*», которая идет сразу за «*nationality*»? Как может быть у человека «бывшая/предыдущая национальность»? В другом мире, в другой инкарнации, что ли? *Национальность* не может быть бывшей, а *nationality* как *гражданство* вполне может быть. И *address* тоже ложный друг *адреса*, так как включает в себя только улицу и номер дома, квартиры, да и то в обратном порядке: сначала дом – квартира, потом улица. А город и страну – не включает, это отдельная новая строка в анкете. А выглядит все обманчиво похоже.

Английское слово *nationalism* пишется точно, как русское, только латинскими буквами. Однако, нужно быть с ним осторожными – оно «ложный друг», и все словари современного английского языка определяют его как патриотическое стремление добиться независимости своей страны или народа. То есть там, где у нас большой минус, в английском языке большой плюс. То же самое относится к *nationalist* и *националист*.

Английское слово *ideology* и его русский «друг» - *идеология* различаются коннотациями: английское слово имеет явно выраженный (отмеченный словарями) негативный оттенок.

Слово «*professionals*» может означать не только «*профессионалов, людей, занимающихся чем-либо профессионально*», но и «*лиц свободной профессии или интеллигентного труда*», поэтому при переводе важно учитывать контекст, чтобы не допустить ошибки...

«...Хорошо известны следующие примеры: перевод английских слов «*dramatic*», «*routine*», «*academic*» как «*драматический*», «*рутинный*», и

«академический» соответственно. В переводах часто появляются «драматические изменения» вместо «значительные, огромные изменения», «рутинный отчет» вместо «стандартный отчет»; «revolutionary changes» - «революционные изменения» (вместо «существенные» или «радикальные изменения»); «marginally larger» - «маргинально больше» (вместо «немного больше») и т.п. (М.В. Умерова. Указ. соч. с. 45).

Название «Государственный музей-заповедник Кижского озера» было переведено с помощью очень ложного друга: «State Air-Open Museum Preservative Kizhi».

Все перечисленные выше трудности, ловушки, препятствия на пути поиска единства людей с помощью перевода и переводчиков относятся к категории собственно языковых. Это язык своими силами защищает себя и идентичность созданной им нации от пришельцев, захватчиков, оккупантов, не разбирая, кто друг и пришел дружить, делиться, обмениваться, а кто – враг и хочет украсть, испортить, обмануть, ограбить, убить.

III. Внеязыковые, социокультурные трудности.

Однако, наряду с собственно языковыми факторами, есть еще и внеязыковые, экстралингвистические аспекты использования языка как средства общения.

Язык неотделим от Человека, его носителя, пользователя, одновременно хозяина и слуги. Человек же неотделим от окружающего его мира, продуктом и пользователем которого он является. Соответственно, язык неотделим от человека, его внутреннего мира и внешнего, реального. Язык отражает этот мир и формирует Человека, а через него и мир, его окружающий.

Основная и очевидная связь языка с внеязыковой реальностью осуществляется через лексику, через значение языковых единиц, из которых главная – это слово.

Как уже говорилось, значение родного слова ведет в родной мир, в свою картину мира, отраженную языком и навязываемую и всем его носителям. Значение иностранного слова ведет соответственно, в иностранный мир, чужой и чуждый, в чужую и чуждую культуру в самом широком антропологическом и этнографическом смысле этого слова.

Это положение хорошо иллюстрирует Андрей Макин, современный французский писатель русского происхождения. Билингв, с детства владеющий французским языком своей французской бабушки и русским – языком родины, он был монокультурен, т.к. вырос в культуре российской глубинки. Для таких, как Макин, тропинки значений обоих языков ведут в один и тот же мир – в его случае – русский.

В своем самом знаменитом романе «Французское завещание» он раскрывает процесс познания единого русского мира через два разных языка, растущее с годами недоумение, неудобство, осознание своей раздвоенности, непохожести на окружающих его людей, у которых один родной язык, одна родная культура, один родной мир.

С возрастом герой романа ощущает все больше неудобств от двойного видения мира, от раздвоения личности, от постоянного своеобразного конфликта языков внутри одной культуры.

Так, в его сознании происходит столкновение двух разных образов при употреблении русского слова *царь* и французского заимствования из русского языка – *tsar*. Слова абсолютно эквивалентны в языковом плане, но за русским словом стоит кровавый тиран Николай Второй из советского учебника русской истории. Французское же слово вызывало у мальчика ассоциации с элегантным молодым царем Николаем II и его красавицей-женой, приехавшими в Париж на закладку моста Александра III, с атмосферой праздника, балов и банкетов в честь августейшей пары, то есть тот образ, который был создан рассказами французской бабушки.

Именно на слове *царь* герой романа Макина осознает свою «особенность», отличность от окружающих, в частности от агрессивных и ненавидящих его товарищей по школе.

«Вопрос, на первый взгляд, был очень простым: «Ну да, я знаю, это был кровавый тиран, так сказано в нашем учебнике. Но что тогда делать с тем свежим, пахнущим морем ветром, который веял над Сенной, со звучностью уносимых этим ветром стихов, со скрипом золотой лопатки по граниту – что

делать с тем далеким днем? Ведь я так пронзительно чувствую его атмосферу?»

Нет, я вовсе не собирался реабилитировать Николая II. Я доверял своему учебнику и нашему учителю. Но тот далекий день, тот ветер, тот солнечный воздух? Я путался в бессвязных размышлениях, полумыслях, полубобразах. Отталкивая расшалившихся товарищей, которые осыпали и оглушали меня насмешками, я вдруг почувствовал к ним жуткую зависть: «Как хорошо тем, кто не носит в себе этот ветреный день, это прошлое, такое насыщенное, и судя по всему, бесполезное. Смотреть бы на жизнь единым взглядом. Не видеть так, как вижу я...»

Последняя мысль показалась мне такой диковинной, что я перестал отбиваться от зубоскалов и обернулся к окну, за которым простерся заснеженный город. Так, значит, я вижу по-другому? Что это – преимущество? А может, ущербность, изъян? Я не знал. Но решил, что двойное видение можно объяснить моим двуязычием – в самом деле, когда я произносил по-русски «царь», передо мной возникал жестокий тиран; а французское «tsar» наполнялось светом, звуками, ветром, сверканьем люстр, блеском обнаженных плеч – неповторимым воздухом нашей Атлантиды. И я понял, что этот второй взгляд на вещи надо скрывать, потому что у других он вызывает только насмешки.» (А. Макин. Французское завещание. Пер. Ю.Яхниной и Н.Шаховской. Иностранная литература, 1996, № 12 с. 36)

Огромную, «непереводимую» разницу этих двух языков раскрывает одна лишь фраза, сказанная мимоходом его французской бабушкой Шарлоттой (следовательно по-французски) в ответ на вопрос о судьбе президента Франции начала 20 века: «*Le President est mort a l'Elysee, dans les bras de sa maitresse, Marguerite Steinheil...* [Президент умер в Елисейском дворце в объятиях своей любовницы, Маргариты Стенель...]». Оказалось, что эту фразу нельзя «перевести» на русский язык, потому что за ней стоит совершенно иная – не русская – культура.

«Феликс Фор...Президент Республики... В объятиях любовницы...»

Атлантида-Франция, больше чем когда бы то ни было, представляла передо мной terra incognita, где наши русские понятия уже не имели хождения.

Смерть Феликса Фора заставила меня осознать мой возраст: мне было тринадцать, я догадывался, что означает «умереть в объятиях женщины», отныне со мной можно было говорить на эти темы. Впрочем, смелость и полное отсутствие ханжества в рассказе Шарлоты подтвердили то, что я уже и так знал: Шарлота не была такой, как другие бабушки. Нет, ни одна русская бабуля не решилась бы вести со своим внуком подобный разговор. В этой свободе выражения я предощущал непривычный взгляд на тело, на любовь, на отношения мужчины и женщины – загадочный «французский взгляд».

Утром я ушел в степь один, чтобы в одиночестве поразмыслить об удивительном сдвиге, который произвела в моей жизни смерть Президента. К моему великому изумлению, по-русски сцена плохо подавалась описанию. Да ее просто нельзя было описать! Необъяснимая словесная стыдливость подвергала ее цензуре, странная диковинная мораль оскорблено ее ретушировала. А когда наконец слова были выговорены, они оказывались чем-то средним между извращенной непристойностью и эвфемизмом, что превращало двух возлюбленных в персонажей сентиментального романа в плохом переводе.

«Нет, - говорил я себе, лежа в траве, колеблемой жарким ветром, - умереть в объятиях Маргариты Стенель он мог только на французском...» (А.Макин. Французское завещание, с. 52).

1. Безэквивалентная лексика

Самая яркая разница иллюстрации миров, отраженных разными языками, принадлежащими разным народам – это так называемая **б е з э к в и в а л е н т н а я л е к с и к а .**

Действительно, различия в окружающем разные народы реальном мире приводят к образованию в каждом языке некоторого слоя лексики, обозначающего предметы и явления действительности, специфические только для данной языковой общности и поэтому не имеющие эквивалентов в других языках. Иностранец, изучающий русский язык, не поймет значения таких слов, как *самовар, большевик, матрешка*, если в его жизненном опыте нет стоящих за ними

предметов или явлений. И русский человек, встретив слово *мачете*, заимствованное из испанского языка, не поймет его значения без специальных разъяснений, так как в России нет ни сахарного тростника, ни, соответственно, ножей для его рубки.

Перевод безэквивалентной лексики представляет определенные трудности. Один из наиболее распространенных его видов – заимствование с комментариями в форме внутриязыкового перевода.

Грубые, нелепые ошибки часто связаны с переводом слов, которые обозначают предметы или явления, неизвестные носителям языка перевода, отсутствующие в их социокультурном опыте.

Так, вопрос о шоколадке «Марс» *What is Mars really like?* Российские студенты 60-х гг перевели как «*Есть ли жизнь на Марсе?*», поскольку конфеты с таким названием тогда не существовали (из материалов проф. Л.В.Полубиченко).

В американском фильме девушка предлагает герою на завтрак кукурузные хлопья: *Cereals?* Переводчик говорит *Сюрреализм*, и девушка насыпает хлопья в тарелку. Десять лет назад, когда этот фильм показывали по нашему телевидению, в нашей жизни не было хлопьев на завтрак.

Boxing day переводится иногда как *день бокса*, поскольку в нашей культуре нет представления о следующем дне после Рождества, когда открывают коробки с подарками.

В американском английском много слов и выражений из терминологии бейсбола, который в нашей стране практически неизвестен, что создает большие трудности при переводе.

К безэквивалентной лексике следует отнести также национальные фразеологизмы, пословицы, крылатые выражения, литературные аллюзии.

Словацкий русист Йозеф Синко из Прешовского университета сетовал в своем докладе на конгрессе МАПРЯЛ в Братиславе, что аллюзии и реминесценции, широко используемые сейчас (часто в деформированном виде) в газетных заголовках (такие, как «Ты все пела...», «А вы, друзья, как не садитесь, все в диссиденты не годитесь» и т.п.) «при переводе на словацкий язык умирают».¹¹

Такие английские выражения, как фразеологизм *keep your fingers crossed*, связанный с несуществующим в русской культуре обычаем скрещивать средний и указательный палец на руке, чтобы пожелать кому-то успеха, также могут быть отнесены к безэквивалентным, поскольку у нас такого обычая не существует. Нет реалии – нет словесного выражения.

2. Обманчивая эквивалентность как следствие социокультурных факторов.

Итак, за словами переводимых языков – разные миры. Слова – это вуаль над реальной жизнью, это некая паутина, занавес. Главная задача переводчика – переводя слова, не забыть заглянуть за вуаль, за занавес слов, понять куда, в какую внеязыковую реальность ведут тропинки значений слов.

Переводчик переводит не слова, он должен «перевести» миры, слить их. Никогда миры не подходят так близко друг к другу, никогда они не связаны так тесно, как при переводе.

И стоит в этой связи еще раз вернуться к словам замечательного русского лингвиста академика О.Н.Трубачева, так определившего свою задачу перевода этимологического словаря Фасмера (160 печатных листов!): «... нужно было не только перевести немецкие партии текста (читай – слова С.Т.), но и привести все целое в соответствие с современным русским советским узусом (культурно-языковой контекст...) [выделено мной С.Т.]

Итак, перевод как сложнейший творческий процесс соединения разных миров, культур, менталитетов нельзя свести к замене слов одного языка (языка-источника) на слова другого языка (языка перевода), эквивалентные по значению.

Слово «эквивалентные» приходится ставить в кавычки, поскольку слова могут быть эквивалентны при условии эквивалентности миров, связанных с ними через значения слов. Но не только сами миры, и внешние и особенно внутренние, все очень разные – но, главное, различны и взгляды разных людей на мир, различно м и р о в о з з р е н и е, различны картины, созданные разными языками. Таким образом, вопрос об эквивалентности сомнителен и условен, а это ставит под сомнение и саму возможность перевода...

Соответственно, мы подходим к самому трудному препятствию, к объединенным оборонным усилиям языка и культуры, к необходимости

преодолеть уже не один барьер – языковой, но два, слившиеся воедино: языковой и культурный.

Это препятствие – обманчиво эквивалентные слова разных языков, обманчивость которых глубоко спрятана и заключается в том, что они принадлежат к разным, далеко не эквивалентным, мирам, речевым коллективам и культурам.

Действительно, если принять во внимание все факторы – включая экстралингвистические, внеязыковые, лежащие за пределами языка, – определяющие реальное функционирование единиц языка в речи, то оказывается, что все (или почти все) языковые единицы социокультурно обусловлены. Иными словами, они принадлежат к определенной социокультурной общности в определенное время и в определенном месте, отражают и формируют культуру и общественное устройство этой конкретной общности и поэтому наделены специфическими, присущими данной культуре и данному обществу коннотациями и особенностями речеупотребления.

Это положение подрывает идею эквивалентности языковых единиц и раскрывает огромные скрытые трудности перевода с одного языка на другой.

3. Социокультурные коннотации.

Имеются в виду те дополнительные оттенки значений слова, которые обусловлены особенностями культуры (культурные коннотации) и общественной жизни (идеологические, политические коннотации).

Яркий пример наличия культурных коннотаций представляют названия животных (зоонимы).

Хорошо известно, что в разных языках и в разных культурах названия одних и тех же животных имеют разные коннотации, то-есть их черты и свойства оцениваются по-разному.

Так, в русском языке *собака* имеет обычно положительные коннотации и символизирует преданность, трудолюбие, доброту (*предан, как собака, собака – друг человека*), в то время как в китайской речевой практике образ собаки всегда отрицательный. *Заяц* ассоциируется в русском языке и культуре с трусостью, а в китайском – с хитростью. Русская *рыбка* – добрая и могущественная, помогает

героям сказок, а китайская рыбка – олицетворение глупости. Русские баран и козел – упрямые и глупые, а китайские – беззащитные, жалкие.¹²

Казалось бы, все очень просто и понятно, но это – барьер понимания, конфликт, война языков и культур, это ловушка, в которую попадают все, даже самые сильные мира сего. Во время встречи Президента России и Премьер-министра Великобритании в Петербурге в марте 2000 года В.В.Путин возмущенно сказал Тони Блэру об оскорблениях, наносимых россиянам чеченцами, и привел в качестве примера плакат, обнаруженный в чеченском лагере: «Над нами Аллах, под нами козлы». Действительно, в современном русском языке «козел» - очень распространенное грубое ругательство.

Ситуацию «смягчил» переводчик: «Above us is Allah, under us are goats». Но в английском языке слово *goat* – нейтрально, (оно имеет только устаревшее значение *любвеобильный мужчина*)), поэтому в английском варианте чеченцы никого не оскорбляли, а просто, живя высоко в горах, романтически констатировали, что над ними Аллах, а под ними – горные козлы. Произошел сбой коммуникации, что всегда опасно на столь высоком уровне общения.

А вот пример «конфликта» зоонимов на очень «низком» уровне. Маленький мальчик кричал на обидевшего его англоязычного мальчика *You are a pippy!*, «обзывал» его щенком, но английское слово *pippy* либо нейтрально, либо имеет ласкательный оттенок, и ссора улеглась. (рассказала студентка факультета иностранных языков МГУ Ю.Собещанская).

Еще пример различий в названиях животных, обусловленных культурой. По-русски бык – это мощный, сильный, упрямый (*упрям/силен/здоров, как бык*) «муж коровы». Испанское слово *toro* благодаря корриде как неотъемлемой части национальной культуры превратило «мужа коровы» в бойца, героя романтического и прекрасного, которого воспевают поэты, рисуют художники, ваяют скульпторы.

В сонете Мигеля Эрнандеса борьба за любимую женщину метафорически представлена как коррида, где влюбленный мужчина погибает от женщины-тореадора.

Como el toro he nacido para el luto

Y el dolor, como el toro estoy marcado
Por un hierro infernal en el costado
Y por varon en la ingle con un fruto.
Como el toro lo encuentro diminuto
Todo mi corazon desmesurado,
y del rostro del beso enamorado,
como el toro a tu amor se lo disputo.
Como el toro me crezco en el castigo,
La lengua en corazon tengo banada
Y llevo al cuello un vendaval sonoro.
Como el toro te sigo y te persigo
Y dejas mi deseo en una espada,
Como el toro burlado, como el toro.

Как toro, я рожден для траура
И для горя, как toro.
У меня адское клеймо,
Я наделен мужским естеством.
Как toro, я думаю, что оно крошечное, -
Мое неумеренное сердце;
Безумно в тебя влюбленный,
Я борюсь за прикосновение к твоей любви – за поцелуй – как toro.
Как toro, в страданиях я закаляюсь,
Мой язык окровавлен моим собственным сердцем,
И звонкая буря в моем горле!
Как toro, я следую за тобой и преследую тебя,
А ты утолишь мои желания одним ударом шпаги,
И я, как обманутый toro, и я, как toro.

Для нас самое интересное здесь то, что мужчина сравнивается с быком корриды (он и клеймен, и страдает, и обливается кровью, и побежден тореадором-возлюбленной), но в русском тексте переводчик Л.Г.Герценберг оставил слово

toro, снабдив сонет примечанием: «слово *toro* оставлено в переводе из-за неуместных здесь коннотаций русского слова бык». ¹³

4. Социокультурный контекст, соответствующий узусу языка перевода.

Для достижения правильного, адекватного перевода, для того, чтобы привести в соответствие разные узусы, разные социокультурные контексты необходимо принимать во внимание разницу культур, разницу миров, в которых живут и функционируют язык-источник и язык перевода.

Самые простые примеры: разница в цифрах, датах, мерах (длины, веса и т.п.). Вопрос о переводе миль, ярдов, футов, фунтов и т.п. в километры, сантиметры, килограммы, граммы и т.п. кажется настолько очевидным, что, казалось бы, и не стоит упоминания.

Однако, трагический случай с казахским самолетом, разбившимся когда-то при посадке в Дели из-за того, что индийские диспетчеры давали координаты в английских мерах длины и высоты, а казахские летчики не «перевели» их в свои меры, принятые в их мире, напоминает, что в поиске единства не бывает мелочей, не бывает ничего простого, легкого и очевидного. Все сложно, важно и нужно.

Одно и то же число – например, 1800 – представлено в русском и английском языках по-разному, в соответствии с культурной традицией; в русском языке (*одна*) *тысяча восемьсот*, в английском *eighteen hundred*.

Русскому ребенку исполняется *полтора года*, а его английскому ровеснику – *eighteen months*.

В мае 2005 года, когда Аль Хасан бин Талал, принц Иордании, дядя короля, был гостем МГУ, его переводчик сказал по-русски: *После девятого одиннадцатого...* Русскоязычная аудитория далеко не вся и далеко не сразу поняла, что имеется в виду одиннадцатое сентября 2001 г., день теракта в Нью-Йорке.

Сбой коммуникации произошел сразу по нескольким причинам: во-первых, в устной речи у нас не принято заменять названия месяцев цифрами, во-вторых, это был американский вариант представления даты, когда цифра месяца предшествует цифре дня.

Перевод шел с арабского на русский, но дата была представлена по американскому образцу.

Интересно, что на такой же встрече в МГУ в 2000 году принц говорил только на английском – абсолютно безупречном, а спустя 5 лет он же в той же ситуации говорил только по-арабски. Может быть, английский язык за эти годы стал языком агрессора, и говорить на нем стало политически некорректно?

В Пекине в большом отеле для иностранных гостей на стойке администратора было объявление: *Question authority*. Этот призыв сомневаться в авторитетах был распространен в Америке несколько лет тому назад и отражал социокультурный контекст этой страны, одной из важных составляющих которого было стремление внушить гражданам идеи «настоящей демократии», «настоящей свободы», реализованных в возможности подвергать сомнению всякую власть.

Этот призыв настолько не соответствовал социокультурному контексту Китая, что я спросила у проходящего мимо работника отеля, что это значит. Он ответил сразу и без тени сомнения: «Это значит, если у Вас есть вопросы, спрашивайте у управляющего».

Вот и пример «перевода» в свою культуру, свой менталитет, свою идеологию, в свой мир.

Приведем пример правильного перевода, учитывающего социокультурный аспект, в данном случае – исторический.

Указатель в заповеднике Киж:

Братская могила советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной Войны.

The common grave of Soviet soldiers who died during the world war II.

Оставляя на совести переводчика ошибки в грамматике и орфографии, отдадим ему или ей должное: именно так следует переводить историзм *Великая Отечественная Война*, только писать слова английского эквивалента World War II нужно с большой буквы и без артикля.

5. Перевод имен собственных.

Собственные имена – антропонимы (имена людей), топонимы (географические названия) – составляют заметную часть социокультурного контекста языка и языковой картины мира уже потому, что они – с о б с т в е н н ы е, то-есть обозначают «индивидуальные предметы безотносительно к их признакам». (О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1996, 2004. с. 175).

«Перевод» имен собственных, как бы это ни показалось странным, требует от переводчика большой осторожности, больших усилий и очень большого знания культурного фона вообще, и языка перевода, в частности.

Необходимо узнавать, выяснять и соблюдать традиционные наименования исторических личностей, географических названий, библейских персонажей и т. п. – то-есть все то культурно значимое поле фоновых знаний, которое покрывают имена собственные.

Небрежный, поспешный перевод собственных имен может нанести значительный урон и смыслу, и исторической истине, и картине мира языка перевода. Иначе говоря, неверная передача имен собственных может вызвать сбой коммуникации и вместо того чтобы сблизить людей, их разобщит.

Проблемы перевода имен собственных блестяще раскрыты академиком О.Н. Трубачевым в его критике перевода на русский язык Карманной энциклопедии Хатчинсона (The Hutchinson Pocket Encyclopedia. Helicon, Oxford, 1992, 1993, 1994, 1995)

Это поразительное по неграмотности, невежеству и бескультурью издание дало такое огромное количество ошибок, погрешностей, неточностей, нелепостей перевода, что может служить отличным материалом для научных исследований по переводоведению в разделе: как нельзя переводить или куда ведет дурной перевод.

По мнению О.Н.Трубачева, перевод этой «карманной энциклопедии» «...ярко свидетельствует о скверном знании всего, что надлежало знать – английского языка, английской истории и культуры, европейских языков, истории и культуры, не говоря о полном неведении того, пожалуй, главного для русского издания, что определяется как русская языковая картина мира».¹⁴

Из несметного количества ошибок в передачи имен собственных – и не вообще, а имен людей, оставивших след в культуре истории, географических названий мест-свидетелей исторических событий, то есть высшего культурного слоя, удостоившегося чести войти в энциклопедию, приведем только некоторые (все привести невозможно):

Бид – это (сюрприз, сюрприз!) *Беда Достопочтенный*

Кроесус – *Крез*

Карлеман – *Карл Великий*

Джордж Сейрат – *Жорж Сера*

Евгения О’Нил – *Юджин О’Нил*

Ингрес – *Энгр*

Ливии Титус Ливиус – *Тит Ливий*

Гаулы – *галлы*

Хиттиты – *хетты*

Лоу кантриз } - *Нидерланды*

Нижние страны } -

Колон – *Кельн* }

Брюнсвик – *Брауншвейг*

Озеро Сьюпериор – *озеро Верхнее*

Черный лес – *Шварцвальд*

Остров Эторофи – *остров Итуруп*

Лоррен – *Лотарингия*

Этот длинный список можно продолжать очень долго, но приведенных **н е с к о л ь к и х** (по сравнению с оставшимися) примеров достаточно, чтобы понять, что эти ошибки в именах собственных, представляющих мировую историю и культуру, отнюдь не курьезы, не смешные нелепости. Они наносят серьезные удары и по читателю, и по общему уровню культуры в нашей стране, и по русской языковой и культурной картине мира

Об этом замечательно говорит сам О.Н.Трубачев.

«Здесь приведены, так сказать, отборные ошибки перевода рассматриваемого «карманного» издания. Их в нем гораздо больше, и это не

может не тревожить. Но еще больше тревожит просматриваемое за ними намного более важное общее явление, важность которого уже была указана вначале, когда был поставлен вопрос о русской языковой картине мира, феномене, тесно связанном с русской культурой в широчайшем смысле слова. Обратная сторона вопроса проявляется в том, что современные переводчики «с одного языка» имеют слабое понятие об этом феномене и низким уровнем своей работы наносят вред тому, что нуждается в бережном отношении. В этом расшатывании и размывании целого своего фонда традиций повинны кроме переводчиков «с иностранного» также политики и либеральные интеллектуалы, чьими объединенными усилиями насаждаются бездумные новшества вроде пресловутого «Таллинн» через два н, «как в эстонском», названия Балтия вместо Прибалтика или Центральная Азия, вместо привычной Средней Азии, вдруг исчезнувшей со страниц книг и газет («хатчиновская карманная энциклопедия» тоже содержит статью «Центральноазиатские республики» с перечнем пяти бывших советских среднеазиатских республик). Но ведь в русской географической науке и терминологии существовали два совершенно самостоятельных понятия и термина – Центральная Азия, которую, например, исследовал Пржевальский, и Средняя Азия, названного выше объема...

...С редким, даже для нашего времени, невежеством трактуются элементарные понятия священной истории, ср. с. 133: «Гефсиманский сад... на горе Оливес» (с.133), надо: на горе Олив, или на Масличной горе. Вместо укоренившегося в нашей письменности и культуре выражения царица Савская читаем Королева Шеба» (с.623), живьем переписанную с англ. queen of Sheba. Вместо имени Св. Иеронима, как принято именовать переводчика латинской Вульгаты, встречаем неприлично англизированного Св.Джерома (с. 66). Неудивительно после отмеченного выше, что вместо Хлодвига нашей исторической традиции, мы дважды встречаем Кловиса, рабски списанного с англо-французской нормы имени этого короля франков (с. 256, где еще стоит, по недоразумению, «король Салиана», потому что переводчик не понимал, что англ. Salians – это «салические франки»). Но это еще не предел невежества, ибо на с. 168 упоминается английский король Джон Лекленд, подписавший документ под

названием Магна Карта, ср. и с. 314, как если бы не существовало отечественной, русской англистики, излагающей на протяжении многих поколений этот эпизод в нескольких иных терминах, а именно: в 1215 г. король Иоанн Безземельный (англ. John Lackland) был вынужден подписать Великую хартию вольностей (лат. Magna Charta liberatium)! Это, возможно, наиболее поучительный пример на тему, что такое «русская языковая картина мира»: она включает устоявшуюся русскую терминологию реалий всего мира». ¹⁵

Возможность самого появления переводов такого низжайшего уровня наводит на грустные мысли о том, что переводоведение развивается, пишутся умные и правильные книги по теории и практике перевода, но уровень и качество переводов в наши дни снижается. Алчность, погоня за прибылью случайных издателей и таких же случайных, никем не контролируемых «переводчиков», приводят к тому, что бедный обманутый читатель, для которого все и пишется, и переводится, и издается, вместо того, чтобы повысить свой культурный уровень, погружается в невежество.

Таким образом, из-за плохих переводов снижается общий культурный уровень, наносится ущерб национальному языку, ухудшаются языковая и культурная картины мира, и соответственно, понижается престиж страны и народа.

К сожалению, «процесс пошел» и он продолжается.

В переводной с английского языка журнальной статье читаем:

Первой женщиной, игравшей в гольф, была Мэри, Королева Шотландии («Второй паспорт», ноябрь, 2002 с.12). Переводчик прочитал в английском оригинале *Mary, Queen of Scots*, заменил шотландцев на Шотландию и получилась эта самая Мэри, в которой культурный русский человек должен опознать *Марию Стюарт*.

Или – перевод в американском фильме: *Это сказал Джон Баптист* уводит зрителя довольно далеко от нашего Иоанна Крестителя.

В книге, посвященной творчеству сестер Бронте, весь текст которой представляет собой не вполне удачный перевод с английского без ссылок на источники (жанр «художественной литературы» позволяет ...) находим

следующие примеры искаженных до неузнаваемости имен собственных. Описывается визит Шарлотты Бронте в Лондон.

На следующий день ее повезли посмотреть Кристаллический Дворец (вместо: Хрустальный Дворец).

В воскресенье Шарлотта с удовольствием послушала речь французского протестантского проповедника Д'Обигна (вместо: Д'Обиньи).

Французская актриса Рейчел (вместо: Рашель) ее потрясла. (Ирина Ярич. Бронте. Одесса, «Друк», 2004, с. 192-193).

В переводе сведений, почерпнутых из английского путеводителя, читаем:

Власть Архиепископов в городе Мэйфилд была сломана королем Генри во время роспуска монастырей в 1539 г. ...они встретили свой конец в Льюисе в 1556-1557, во время правления дочери короля Генри, Мэри.

В «короле Генри» с трудом узнается знаменитый английский король Генрих VIII, а в дочке Мэри – королева Мария I или – чаще – Мария Кровавая.

Перевод сделан старшеклассницей, детям – простительно, но тенденция укрепляется и, следовательно, продолжается процесс небрежного отношения к переводу имен собственных и, соответственно, обеднения и искажения культурной картины нашего мира.

Подведем итоги.

В процессе перевода **задействованы** не две (автор – переводчик, оригинал – перевод), а **три стороны: автор – переводчик – читатель/слушатель**. Именно для этой третьей стороны и автор творит, и переводчик переводит.

Любой перевод – это сложный творческий процесс, и от его качества зависит очень многое – в первую очередь уровень национального языка и культуры, который может повышаться или понижаться в зависимости от качества переводных материалов. От состояния национального языка и культуры зависит будущее нации. Вот что такое перевод и переводоведение.

Положение о том, что профессиональный переводчик должен знать в совершенстве и язык-источник, и язык перевода нуждается в уточнении: **Переводчик должен знать в совершенстве и оба языка, и обе культуры**, поскольку процесс перевода не исчерпывается передачей содержания с помощью

языковых единиц, а расширяется до слияния разных миров, «переодевания» одного мира в другой.

Несмотря на огромные трудности – внутриязыковые, внеязыковые, социально-исторические, технические, экономические и многие, многие другие, поиск единства людей продолжается, и переводу принадлежит в этом поиске почетная и важная роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К. Чуковский. Высокое искусство. М., 1964г.

² Andrei Makine. Le Testament Français. Sceptre. 1997. P.225.

³ А.С. Пушкин Собрание сочинений. Academia, т. VII, стр. 554

⁴ Eugene Onegin. A Novel in Verse by Alexandr Pushkin. Translation with comments by Vladimir Nabokov, 4 vols, Bollingen Series 72, Princeton, 1964.

⁵ В. Набоков. Заметки переводчика. Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. Кн. 49, стр. 130.

⁶ О.Н. Трубачев. Из работы над русским Фасмером. К вопросам теории и практики перевода. Вопросы языкознания, 1978, № 6.

⁷ К. Müller, ZfS, 21, 1976, стр. 257.

⁸ Н.Н. Дроздов. Полет бумеранга. «Мысль», 1988

⁹ М.В. Умерова, Лингвистический статус языка переводов. Кандидатская диссертация, МГЛУ, Москва, 2003г.

¹⁰ См., например, С.Г. Тер-Минасова. Язык и межкультурная коммуникация. Издательство Московского университета, 2004 г. стр. 75-77.

¹¹ Й.Синко.Этнокультурные коды языковых реминисценций и проблемы их перевода. IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.

¹² По материалам Цао Юнцзе «Фразеологизмы как наследие культуры (на материале русского и китайского языков). Канд. дисс. М., 2003

¹³ Хуан де Диос Луке Дуран, Франсиско Хосе Манхон Посас. Испанский язык и национальный характер испанцев. Язык и речевая деятельность. СПб, издательство Санкт-Петербургского университета., 1998 г. стр. 96-97.

¹⁴ О.Н.Трубачев. Русская энциклопедия и ее антиподы: Хатчинсоновская карманная энциклопедия. Русская словесность, №3, 1997.

¹⁵ О.Н. Трубачев. Русская энциклопедия и ее антиподы: Хатчинсоновская карманная энциклопедия. Русская словесность, №3, 1997.